истину внутри себя, какъ бы получить откровенія этого знанія. Писатель прямо говоритъ: — нельзя вѣрить благодаря чьей-либо помощи и посредничеству, «этимъ человѣкъ лишаетъ себя единственной возможности достовѣрнаго знанія».

Пониманіе этой истины глубоко интимное, почти неуловимое для какого бы то ни было внѣшняго закрѣпленія въ словахъ и фразахъ. Самъ художникъ не говоритъ ни разу объ истинѣ въ ея полномъ божественномъ содержаніи, но приближается только силой изобразительнаго таланта къ передачѣ ощущенія истины и ея освѣжающему благодатному вліянію на жизнь и душу. И, не замѣчая убійственнаго противорѣчія этой своей основѣ, которой онъ живетъ, на которой всецѣло утвердился,—снова переноситъ центръ тяжести на «разумъ», рѣшающій взвѣшивающій, уясняющій» и дающій возможность какого-то логическаго выбора между правдой и неправдой. «Рѣшать можно, говоритъ онъ, потому что рѣшатель есть въ насъ: та частица Бога, которая составляетъ нашу жизнь». И настойчиво заявляетъ въ своей «Критикѣ догматическаго богословія» (предисловіе)—«Не забывайте, что чтобы вы ни говорили, вы говорите по разуму».

Можно замѣтить одно неизмѣнно повторяющееся явленіе: когда Толстой обращается